

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Генрих Книжник

Ты любишь науку или нет?

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Генрих Книжник
Ты любишь науку или нет?

Издательство «Детская литература»
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Книжник Г. С.

Ты любишь науку или нет? / Г. С. Книжник — Издательство «Детская литература», 2017 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005673-4

Как стать известным, и хорошо бы не через много лет, а в самом ближайшем будущем? Витик трезво взвесил свои возможности. Петь, рисовать, танцевать, гениально играть на скрипке или в шахматы он не умел. Попробовал писать стихи и прозу – не вышло. В цирковую школу его тоже не приняли. Попытка заняться политической деятельностью на школьном уровне закончилась неприятностями. Оставалась наука. Сделав выбор, Витик решил переселиться за парту к новому однокласснику – Алеше Афониному, по прозвищу Фуня. Тот оказался интересным собеседником, влюбленным в физику, и верным другом. А еще Алеша поделился своей мечтой: укротить шаровую молнию. Но для этого нужен специальный прибор... Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005673-4

© Книжник Г. С., 2017
© Издательство «Детская
литература», 2017

Содержание

О конкурсе	6
Ты любишь науку или нет?	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Генрих Книжник Ты любишь науку или нет?

© Книжник Г. С., 2017

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Новосёлова Е. П., иллюстрации, 2017

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2017

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году объявлены победители пятого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

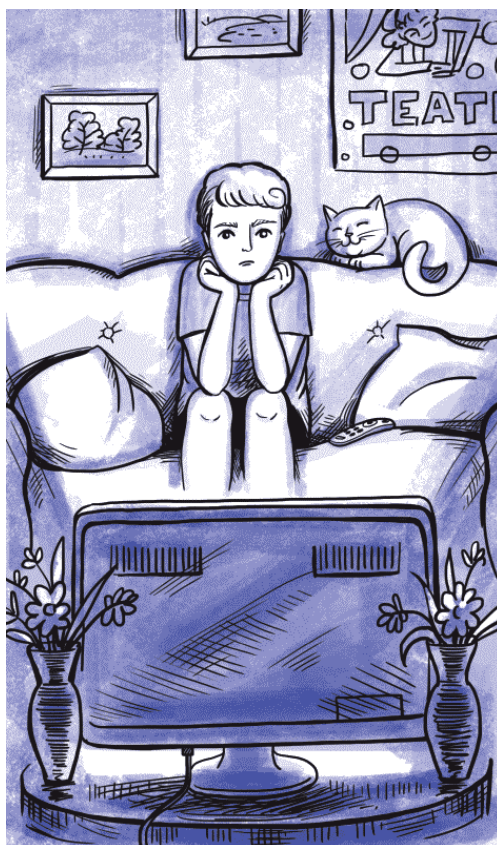
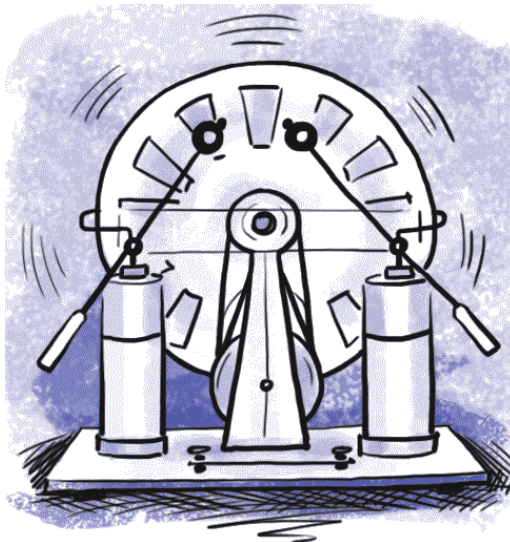
Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

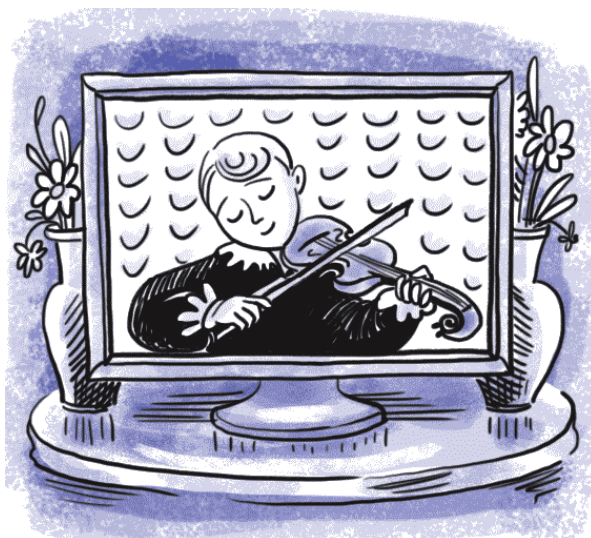
В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Ты любишь науку или нет?

Повесть

Сначала Витик хотел стать Хрюшей из «Спокойной ночи, малыши!», потом актером, как старший брат, потом геологом, как папа и мама, а потом все равно кем, но знаменитым. Это началось давно, с тех пор, как его двоюродная сестра Верка, дочка дяди Коли и тети Наташи, выступила по телевизору. К ним в образцовый детский сад привезли американскую делегацию борцов за что-то, и Верка, вся в кудрях и бантах, говорила по-английски «вэлком» и «сэнк ю» и читала какие-то радостные стихи. Тощие американские тетки в очках хлопали ей и что-то лопотали по-своему, а одна даже вытерла под очками глаза и поцеловала ее.

После этого Верка совсем завоображалась. Чуть что не по ней – сразу же: «Кого показывали по телику? Может быть, тебя?»

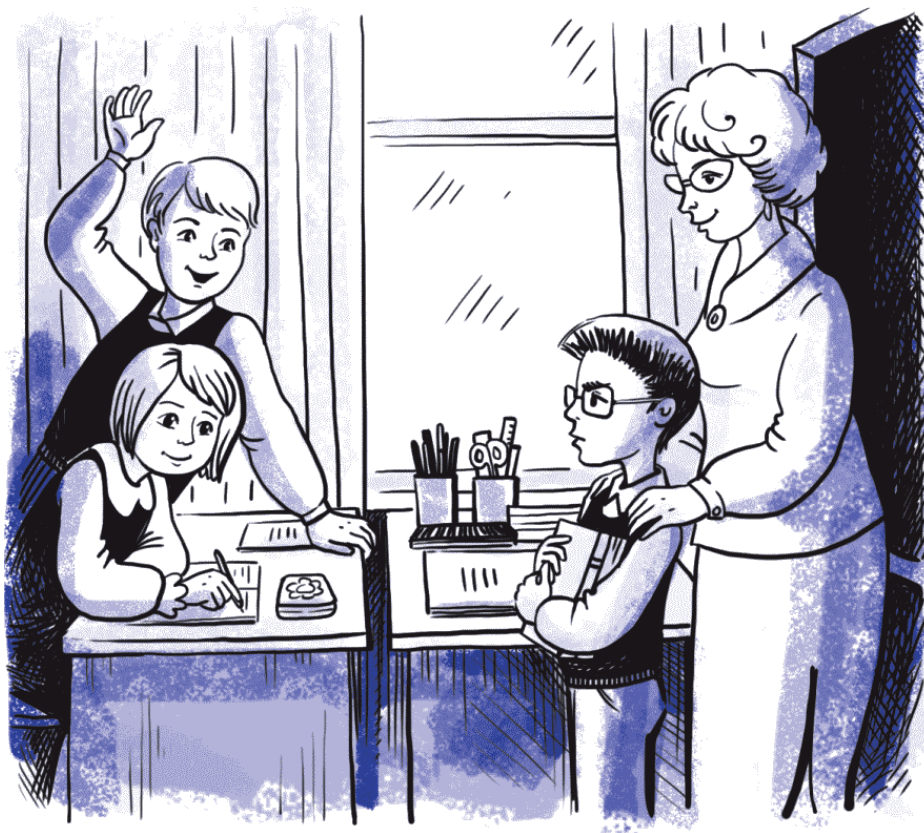
А недавно к ним в дом переехал мальчишка, который умел играть на скрипке и уже два раза выступал по телевизору. Элька-художница из четвертого подъезда стала вертеться перед ним, охать и спрашивать сладким голосом: «Правда, Вова? Неужели, Вова?» А Витика даже не пригласила на свой день рождения. За это Витик поймал как-то во дворе аккуратненького, плотненького, чем-то похожего на божью коровку Вову с его музыкальной папочкой и скрипочкой и доходчиво объяснил ему, чтобы он больше не смел дружить с Элькой. Это, однако, не помогло, потому что Элька дружбу со знаменитым Вовой прекращать не собиралась, а Вова теперь уже делал все, что хотела Элька.

Тогда Витик дождался ее во дворе и сказал, что он обязательно станет знаменитым, Вове добавит еще, а Элька – дура. Элька ответила, что если он и станет знаменитым, то хулиганом, в крайнем случае – спортсменом, а больше ему прославиться нечем. Подождала, что ответит Витик, но он не нашел остроумного ответа и промолчал, а Элька развернулась и пошла к Вовину подъезду, выражая спиной полное к Витику неуважение. И тогда Витик дал себе клятву, что сделает все, чтобы прославиться! И Элька будет вертеться возле него, заглядывать в глаза и спрашивать: «Правда, Витик? Неужели, Витик?», а он будет ее не замечать.

А тут еще брата с его группой, которую он называл «мой драматический коллектив», упомянули в какой-то телепередаче и даже показали отрывки из их спектакля. После этого брат потребовал, чтобы Витик принял на себя его домашние обязанности. Сам он, видите ли, будет теперь очень занят творческими исканиями! Витик просто онемел от такой наглости, а мама, счастливая оттого, что один из ее сыновей уже немножко прославился, едва не согласилась. К счастью, вмешался папа и поставил брата на место. Каждый остался при своих прежних обязанностях, но Витик еще раз убедился, что известность – великая и полезная вещь! Если б он попробовал такое, все только посмеялись бы, а у брата чуть не получилось.

Но как прославиться? В спорте не хотелось: вышло бы, что Элька права. Петь, рисовать, плясать, пилить на скрипке, гениально играть в шахматы, мгновенно считать в уме Витик безнадежно не умел. Он попробовал писать стихи и прозу – не вышло. Взять его в свой драматический коллектив брат с насмешками отказался. В цирковую школу Витика тоже не приняли. Прославиться геологическими открытиями не получилось: родители с собой в тайгу не взяли. Попытка заняться политической деятельностью на школьном уровне закончилась неприятностями. Оставалась наука, но она не обещала быстрого успеха: все известные ученые были старыми. В отчаянии Витик даже попытался двигать усилием воли предметы и взглядом зажигать спички, но об этом стыдно было потом вспоминать.

Элька при встречах с ним каждый раз ехидно спрашивала, прославился он уже или еще нет, и рассказывала, что у Вовы скоро опять будет концерт по телевизору. И тогда Витик решил посоветоваться с Фуней.

...Фуня появился в классе недавно. В первый день после зимних каникул Чучундра привела в класс мелкого тощего мальчишку, большеголового, мрачноватого, с темными, торчащими, как щетка, волосами и в очках. Нос у него был маленький и блестел между сильными стеклами. Да, мальчишка был не очень из себя видный... Чучундра положила ему руку на плечо и сказала:

– Познакомьтесь, это Алеша Афонин, он будет учиться в нашем классе. Прошу любить и жаловать.

Конечно, Дуба тут же крикнул:

– Гы! Пусть его Светка-Мартышка любит и жалуется!

Все засмеялись, а Светка Мартынова наморщила нос, передернула плечиками и сказала:

– Какой ты грубый, Дубовецкий, и глупый!

И тут молчаливый Макся Коробов вдруг сказал: «Фуня!» – и больше ничего не сказал, но все сразу поняли, что новенький – Фуня и так теперь будет всегда.

После каникул у всех еще было легкомысленное настроение, и в классе началось: шум, смех, крики: «Фуня! Здорово! Афуня! Фу-фу-фу-нечка!» – и многое другое.

Фуня сначала вздрогнул, втянул голову в плечи, и Витик подумал, что сейчас он разревется или станет заискивающе улыбаться, но он вдруг сжал губы, отвернулся к окну и, постукивая ногой, стал ждать, пока все утихнет. Что ж, его положение было непростым, но повел он себя достойно – и класс это оценил.

Выбрал он себе пустую парту, последнюю в среднем ряду, и стал сидеть один. Разговаривал с людьми без грубости, но неохотно, на уроках читал научные книжки или сидел уставившись куда-то под потолок. Учился хорошо, а по математике – лучше всех. Задачи, которые не мог решить даже Игоряшка Поляк, он решал мимоходом, за что Игоряшка его сильно невзлюбил. На переменках не бегал, не возился, а если случайно попадал в общую возню, старался выбраться или ждал, пока рассосется. Друзей не завел, после уроков домой уходил один. Улыбался редко, а рассерженным его видели только два раза. Первый – когда на него скопом напали девчонки, разукрасили помадой и шоколадом, завязали на ухе бантик и разбежались с радостным визгом. Фуня тогда вскочил на парту, сверкал очками, тряс бантиком на ухе и орал, что все они – дуры безмозглые. Второй раз – когда к нему пристали Дуба с друг-Гаврилой. Они и раньше иногда приставали к нему от дурости, но по мелочам, а тут что-то разошлись: вытащили его из-за парты, надели на голову пустой цветочный горшок и потребовали, чтобы он кричал, что он – профессор кислых щей.

Другой бы заревел, тем более что Дуба остро умничал всюю, и класс просто поми-рал со смеху, но Фуня только шипел: «Идиоты! Тупицы! Инквизиторы!», вырывался и отпихивался как мог. Витик тогда кивнул Максе и здоровенной Тоньке Сторбеевой и вместе с ними отогнал Дубу с друг-Гаврилой. Фуня стащил с головы горшок, буркнул: «Спасибо» – и уселся читать дальше. Тоньке Сторбеевой удалось один раз его разговорить, и она потом всем объясняла, что он читает убийные книжки по физике и жуть какой умный. После этого Дуба с друг-Гаврилой стали дразнить его «Фи-Фу», что означает «Физик Фуня», и хотя больше никто его так называть не стал, Фуня все равно перестал разговаривать с кем бы то ни было о своей физике.

Да, Фуня был необычным человеком и мог, пожалуй, дать нужный совет. Как-то после уроков Витик догнал его и пошел вместе с ним, все равно домой нужно было идти мимо новых корпусов возле метро, в одном из которых жил Фуня.

– Вы сюда откуда переехали? – начал разговор Витик.

Фуня поглядел на него настороженно, но ответил охотно:

– Из другого района. Мы там в пятиэтажке жили. Тесно, зимой холодно, от метро далеко. А здесь квартира хорошая, деду дали.

– А кто твой дед?

– Физик, – ответил Фуня. – Академик. Только он редко бывает в Москве, обычно сидит у себя на «объекте» на Урале.

– Ух ты! – сказал Витик, сильно удивленный. – Знаменитый? А почему ты никому не говорил, что у тебя дед академик?

– А чего говорить? – пожал плечами Фуня. – Это же он академик, а не я.

– И ты, наверное, занимаешься физикой, потому что тоже хочешь стать знаменитым академиком? – спросил Витик и почувствовал, что Фуня сразу ошетинился.

– Ну и хочу, а тебе что?! – ответил он грубо.

Витик нарочно не обратил внимания на тон.

– Я тоже хочу стать знаменитым, – признался он, вздохнув.

Фуня искоса посмотрел на него.

– Ты почему заступился за меня тогда? – вдруг спросил он.

– А чего... – пожал плечами Витик. – Сидит человек, никому не мешает, а эти двое лезут не по делу...

Фуня не ответил и некоторое время шел, глядя в землю. Вдруг он остановился и посмотрел на Витика. За сильными стеклами очков его глаза казались маленькими и острыми, как булавки, и Витик почувствовал, что сейчас будет задан решающий вопрос.

– Если я тебе скажу про себя, ты тоже скажешь? Честное слово?

– Честное слово! – решительно ответил он.

Фуня снова опустил глаза.

– Ты вон какой... А я маленький и в очках, – медленно начал он. – Девочки и те почти все выше меня. И во всякие футболы-волейболы я играю хуже всех. Помнишь, девчонки на меня напали? На тебя бы не напали. А когда я стану знаменитым, никто и не подумает шоколадом измазать или бантик завязать. Мой дед тоже маленький, а его знаешь как уважают!

Такая тоска прозвучала в Фунином голосе, что Витика просто пронзило сочувствием.

– Что ты, что ты! – забормотал он, почему-то понизив голос почти до шепота. – Никто над тобой не смеется. А если кто посмеет, я ему... Ну и что, если ты не умеешь бегать или в футбол играть? Я тебя научу. Надо мной тоже смеются – одна девчонка, художница. Говорит, что я только и умею кулаками махать и глупости говорить. Ни играть на скрипке, ни рисовать... Что я бездарный...

– Что ты! – в свою очередь всполошился Фуня. – Ты же математику сечешь лучше всех в классе, после меня и этого Игоряшки. Эта девчонка, наверное, сама дура. Слушай, давай вместе заниматься физикой! Знаешь, как это интересно! Мы с тобой что-нибудь обязательно придумаем, и...

Витик безнадежно махнул рукой.

– Все знаменитые в науке – старые, – сказал он. – Нужно долго учиться, а в физике, наверное, дольше всего.

– Вообще-то так, – ответил Фуня. – Но у меня есть одна идея. Позавчера придумал, когда читал про шаровую молнию. Ученые уже сто лет не могут понять, как она получается, а это очень важно знать. Сам понимаешь: страшное оружие! «Аэлигу» читал? Там марсиане стреляли такими молниями. Только дай честное слово, что никому не скажешь.

– Даю! – сказал изумленный Витик и даже поднял правую руку.

– Так слушай, – торжественно начал Фуня. – Что такое молния? Это поток заряженных частиц, ну всяких там электронов, ионов, которые вылетают из тучи во время грозы. Молния летит через мокрый воздух, пока не влетит в землю, и там рассыпается и гаснет. Понял? А если ей на пути подставить сухой воздух? Он же для нее непроходимый! И обратно она повернуть не может. Ее передняя часть вонзится в сухой воздух и затормозится, а задняя-то еще летит! И получится, что вся она со страшной силой соберется в одном месте и превратится в шар! Вот! Потом она все равно взорвется – до земли дотронется или до мокрого воздуха. Понял?

– Здорово! – не сразу ответил Витик, потрясенный простотой и мощью Фуниной идеи. – Это надо поскорее рассказать где-нибудь! В Академии наук! И ты сразу станешь знаменитым.

– Украдут, – заявил Фуня со знанием дела. – Скажут, что придумали они, а не я. Кто же таким маленьким, как мы, поверит?

– Тогда скажи деду, он же академик. Он, может быть, даже сам с тобой по телику выступит. Еще лучше.

– Деду... – погрузился Фуня. – Пробовал. Только он сразу заводит, что сначала надо выучиться тому, что уже известно. А если я хочу выдумывать, не имея достаточных знаний, то должен сам разбираться в своих идеях, а не грузить ими других. А я все время что-нибудь

придумываю. Перед молниями придумал магнитный двигатель, перед ним – сверхтяжелую жидкость. Представь, если в воде растворять что-нибудь, то новые атомы будут залезать между атомами воды...

Да-а, Фуня был невероятно умен и глубоко образован, Тонька Сторбеева была права. А дед – он ведь тоже может ошибаться. Но что тут поделаешь: дед – академик, а Фуня – шестиклассник. Вот если бы самим сделать хоть самую маленькую шаровую молнию, тогда был бы другой разговор. А вдруг кто-нибудь уже пытался ее сделать, ведь уже сто лет ищут! Надо бы сначала разобраться, кто и как пытался. Хм, получается, что дед прав? Нет, наверное, до Фуни никто не догадался, что молния втыкается в сухой воздух и в нем сворачивается в шар, а то бы уже изобрели...

– Послушай-ка... – Витик перебил Фуню, продолжавшего излагать теорию сверхтяжелой воды. – Вот если бы самим сделать молнию, тогда – всё! Ты приходишь к деду с аппаратом, молча нажимаешь кнопку – и маленькая шаровая молния! Представляешь?!

– Я уже думал об этом, – сказал Фуня. – Но где же взять молнию для опытов? Или хотя бы большую искру?

Витик задумался: действительно, где ее взять? И вдруг придумал.

– Слушай! В школе, в физическом кабинете, есть такая трещалка: ее крутят, а из нее вылетают длинные искры. Я видел однажды в щелку. Один старшеклассник, здоровый такой, крутил ручку, крутил, крутил, и вдруг искра как скакнет, как треснет, я даже отскочил. Длинная... А мокрый воздух мы просто сделаем, – оживляясь, продолжал Витик. – И насчет сухого что-нибудь придумаем. Нам бы только до этой трещалки добраться.

– Молодец! – одобрил Фуня, и Витик почувствовал себя польщенным. – Пойдем ко мне, обсудить надо. А домой позвонишь, что пообедаешь у нас.

Фунина квартира просто подавила Витика: большущая, просторная, не то что их трехкомнатная коробочка, где отец с братом в коридоре расходились боком. И мебель здесь была широкая, тяжелая, старинная, особенно у деда в кабинете, куда Фуня привел Витика после обеда обсуждать Эксперимент. Дома они были одни: родители до вечера на работе, а бабушка уехала к деду на «объект». Приходить в пустую квартиру и самому разогревать себе обед – это было знакомо Витику, и то, что у Фуни оказалась такая же жизнь, сделало его ближе и понятнее.

В кабинете Фуня опустился в глубокое кожаное кресло, откуда едва была видна его макушка, и хозяйским жестом махнул на другое, напротив, предлагая Витику сесть. Чуть холодящая тугая кожа медленно осела под Витиком, руки на подлокотниках задрались почти к ушам. Витик заложил ногу на ногу, как Фуня, и почувствовал острое желание обсуждать научные проблемы. Огромный дедов письменный стол, широкие книжные шкафы со старыми книгами и рядами иностранных журналов за отблескивающими стеклами, умные лица на портретах по стенам – всё это просто требовало думать и высказываться глубоко, неторопливо и значительно.

Сначала обсудили Эксперимент. Как сделать воздух мокрым, придумали сразу: подставить снизу тарелку с горячей водой, из которой будет идти пар, – вот и всё! Предложил это первым Фуня, но Витик тоже догадался, может быть даже раньше него, только сразу сказать не решился. С сухим воздухом пошло труднее.

– Работай! – время от времени говорил Фуня, который сам работал, закрыв для сосредоточенности глаза и совсем утонув в кресле.

Витик очень старался. Он тоже закрыл глаза, поглубже утонул в кресле, свел брови, сжал губы, но нужное решение не осеняло его, скорее наоборот, в голову лезли совсем посторонние мысли: про Эльку – хорошо бы она сейчас оказалась здесь и увидела его в процессе научной работы; про то, что не позвонил домой, а если брат уже вернулся, нажалуется роди-

телям, и жди тогда неприятностей; про Фунину мебель – как ее, такую здоровую, затаскивали на одиннадцатый этаж при переезде. И вдруг сама собой появилась мысль, сначала тихо и незаметно, а потом ясно и четко: горячий воздух!

– Фуня, – сказал Витик, выпрямившись. – Фен! Горячий воздух из маминого фена!

– Нет, – сразу отозвался Фуня, тоже открывая глаза и вытягиваясь в своем кресле. – Горячий воздух может быть влажным, а холодный – всегда сухой. Поэтому зимой не бывает гроз с молниями, я читал в «Занимательной физике». Здорово! – вдруг завопил он. – Холод! Нужно выморозить воздух на пути молнии! Положить лед из холодильника или что-нибудь замороженное – кусок стекла например. Уй! Положить холодную стеклянную трубу и пустить молнию сквозь нее. В трубе воздух выморозится и станет сухим. Молодец, ты навел меня на отличную мысль! С тобой можно работать.

И опять Витик почувствовал почтение перед могучим Фуниным интеллектом и обрадовался, что не оказался пустым местом в творческом процессе.

Теперь нужно было обсудить, как добраться до искровой машины. Способов было три: попросить физика, чтобы разрешил провести Эксперимент; утащить машину на время из физического кабинета к Фуне домой или пробраться в кабинет и провести Эксперимент тайно.

Первый путь Фуня отверг сразу:

– Придется все объяснить физику и работать при нем. Как только он увидит шаровую молнию, он тут же заберет открытие себе или припишется в соавторы.

Утащить машину из школы домой было нереально.

Оставался последний путь. Сложностей на нем виделось много: пробраться в школу, когда там никого не будет, где-то согреть воду, где-то заморозить стеклянную трубу, да еще раздобыть ее, научиться работать на этой машине, и все это так, чтобы не вызывать подозре-

ний, но все эти трудности были в принципе преодолимы. Подготовку было решено начать с завтрашнего дня.

– Послушай, ты будешь и дальше заниматься физикой? Ну, после того, как мы станем знаменитыми? – спросил Витик у Фуни, когда собрался уходить.

И тут Фуня возмутился так, что Витик просто растерялся. Решительно и гневно объявил он, что физика – это дело всей жизни человека, и Фуниной жизни тоже. И вообще, это же так интересно, как оно всё вокруг устроено! Витику стало стыдно, и он с чувством сказал, что свою жизнь тоже посвятит физике. Фуня поглядел на него долгим оценивающим взглядом, так что Витик даже поёжился, и вдруг предложил основать тайное Научное Общество с Президентом Фуней и Ученым Секретарем Витиком. Членов Общества можно будет набрать потом из доказавших свою верность науке людей. Именно так начиналось Лондонское королевское общество – ихняя Академия наук. Собралось несколько талантливых людей, поклялись быть верными науке и хранить тайну, и пошло-поехало: новый научный подход, всемирный авторитет, сэр Ньютон, сэр Рамзай, сэр Резерфорд, сэр Лоренс Брэгг... Все они стали сэрами за научные заслуги. Ну, может быть, кто-то из них был сэром и раньше, но не это главное. Главное – выбрать свой научный путь и идти по нему до конца, не поддаваясь соблазнам, отвергая сомнения, не отступая перед трудностями!

Фуня говорил, вдохновенно задрал голову и сжав кулаки, как Мальчиш-Кибальчиш перед буржуинами, нос его блеснул, очки сверкали. Витик слушал его приоткрыв рот и даже немного боялся. Наконец Фуня замолк и стал устало протирать очки.

– Ну, я пойду? – робко спросил Витик.

Но Фуня заявил, что нужно дать клятву.

Он вытащил откуда-то свечку, и они поклялись, держа мизинцы над пламенем, пока не стало больно. От торжественности момента у Витика защипало в носу. Фуня был суров и серьезен.

Наутро Витик перебрался за парту к Фуне, удивив этим поступком весь класс, а больше всех Мальку Валееву, свою прежнюю соседку по парте, давно раздражавшую его своей болтовней и неожиданными обидами. Малька вскинула свои и без того круглые брови и поджала губы, но промолчала. Остальные девчонки некоторое время пошептались, постреляли в их сторону глазами и перестали.

Первым делом следовало обсудить детали Эксперимента: горячую воду, стеклянную трубу и что делать с шаровой молнией, когда она возникнет. Последний вопрос отложили на потом. Горячую воду Витик предложил принести в термосе, но Фуня резонно возразил, что ее удобнее греть на месте, захватив из дома кипятильник. Стеклянную трубу решили сделать из бутылки, отбив у нее доньшко и горло.

Чучундра раз пять делала им замечания за разговоры и даже чуть не рассадила, поэтому разговоры пришлось прекратить и начать переписываться и перерисовываться. Удивительно, но это оказалось даже быстрее и понятнее, чем словами. Витик, например, рисовал бутылку с зачеркнутым горлом и дном, рядом – молоток и от него стрелку к горлу, и Фуня сразу кивал или рисовал восклицательный знак. Или Фуня изображал что-то похожее на тарелку с клубами пара над ней, а под ней рисовал вопросительный знак, и Витик начинал думать, что подставить снизу, чтобы мокрый воздух оказался поближе к молнии. Всю переписку Фуня собирал, проставляя на каждом листе номер и дату, и дома складывал в специально заведенную для этого папку, говоря, что все научные заметки необходимо сохранять, по крайней мере, до полного признания открытия, а может быть, и дольше – для истории.

Не менее важным делом была разведка физического кабинета. Витик взял ее на себя. Начал он с разговора с братом, который еще недавно учился в той же школе и должен был все помнить. От него Витик узнал, что искры из машины летят здорово, но на какое расстояние –

бог их ведаёт. Что в кабинете есть и холодильник, и вода, и электричество. Потом брат сказал, что воспоминания о грубой науке физике травмируют его нежную творческую душу, и с подозрением поинтересовался, зачем все эти сведения Витику. Расспросы пришлось прекратить.

Осторожные наблюдения показали, что дверь в физическом кабинете – двустворчатая, одна половинка запирается шпингалетом к полу, на другой – английский замок. Ключ физик носит с собой, и раздобыть его невозможно. Искрометная машина стоит в шкафу, ее достанут, когда начнут проходить электричество, то есть недели через две. Это сказал Витику знакомый старшеклассник.

Возможность залезть в кабинет просматривалась только одна: заранее тайно поднять шпингалет, а потом, в нужный момент, потянуть запёртую дверь – и обе створки откроются одно временно. Уходя, шпингалет опустить, створку, что с замком, захлопнуть, и никто в жизни не догадается, что в кабинете кто-то побывал. После уроков, когда в классе оставался только физик, Витик старался держаться поблизости, чтобы улучшить момент и попробовать, как открывается шпингалет.

Однажды, когда физик зачем-то вышел в лаборантскую – заднюю комнатку, где хранилась всякая всячина, – Витик метнулся к двери, ухватил шпингалет и стал изо всех сил тянуть и дергать его, но безуспешно. Положение было крайне опасным: физик мог вернуться в любой момент, а в коридоре – кто-нибудь появиться, но Витик должен был пойти на риск. На всякий случай он сунул под дверь свою шариковую ручку: если застукают, можно будет сказать, что искал ее.

Неожиданно шпингалет с громким щелчком скакнул вверх, и Витик обмер от страха. Ему показалось, что все сейчас же сбегутся на этот оглушительный звук, но всё оставалось по-прежнему спокойным. Физик напевал что-то в своей лаборантской, в школе было тихо, только вдалеке слышались отдельные голоса.

Витик отдышался и попытался закрыть шпингалет, но не тут-то было: дверь отошла, и штырек не попадал в гнездо, а вернуть дверь на место у Витика не хватало сил. И Фуни рядом не было. Он в этот момент исполнял другую задачу: отбивал на помойке горлышки и донышки от бутылок – учился делать стеклянную трубу.

Витик весь вспотел от стараний и страха. Ему ужасно хотелось бросить все как есть и убежать, но это было невозможно: физик не смог бы захлопнуть дверь. Он, конечно, начал бы разбираться, и кто знает, до чего бы додумался. Витик сказал себе: «Спокойно!», два раза глубоко вдохнул и с разбега толкнул створку всем телом. Она качнулась на место, шпингалет упал в гнездо, тогда Витик подхватил с пола свою ручку и кинулся прочь.

Стало ясно, что заранее снимать дверь со шпингалета нельзя. Пришлось посидеть и подумать. Решение пришло, когда Витик смотрел, как отец стамеской приподнимает дверь в ванную, чтобы снять ее с петель. На следующий день он попытался поднять шпингалет принесенной из дома стамеской. Тот поддался сразу, и Витик даже не стал поднимать его до конца: было ясно, что, когда потребуется, сделать это будет легко.

У Фуни дела не шли: бутылки раскалывались как угодно, но только не так, как нужно. Кроме того, быстро кончился материал: Фуня и Витик перетаскали из дому все бутылки. Какое-то время раздобывали материал возле пункта приема стеклотары, но потом Фуня махнул рукой, сказал отцу, что им велели принести в класс геометрические фигуры – кому какую, – а вот ему, Фуне, поручено добыть цилиндр, то есть стеклянную трубу, и на следующий день труба была уже у них, красивая и аккуратная. Предусмотрительный Фуня несколько раз засовывал ее в морозильную камеру холодильника, вытаскивал и измерял температуру внутри нее. Температура явно снижалась, но на сколько, сказать было невозможно, потому что градусник показывал только от тридцати пяти градусов и выше. Термометр для холода из-за окна достать было нельзя: привинчен.

– Ничего, – сказал Фуня. – Главное, что снижается.

Теперь пришло время решать, как уберечься от шаровой молнии, когда она вылетит из стеклянной трубы. Литературные данные на этот счет были самые неутешительные: молния могла и просто исчезнуть, могла просочиться в узкую щель, а могла и взорваться со страшным грохотом и разрушениями. Из одного фантастического рассказа, как раз про шаровые молнии, Фуня узнал, что их отгоняли с помощью металлических экранов, поэтому было решено захватить из дому две крышки от кастрюль, привязанные к двум не проводящим ток деревянным палкам, и две шапки: голову следовало защитить прежде всего.

Все необходимое для эксперимента стащили к Фуне и сложили в большую сумку, которую спрятали в его комнате. Там, по крайней мере до приезда бабушки, было совершенно безопасно: Фунины мама с папой были сторонниками демократического воспитания и в его дела не вмешивались.

Теперь оставалось только ждать, когда искровая машина появится на учительском столе. Фуня очень волновался: а вдруг в этом учебном году ее вообще не достанут из шкафа? Витик тоже боялся этого, и они решили, что, если так случится, они все равно заберутся в кабинет, вскроют шкаф и достанут машину сами. Не откладывать же эксперимент на целый год!

Учебные дела шли ни шатко ни валко, но двоек не было. Они с Фуней с самого начала решили, что такого допускать нельзя, чтобы не привлекать ненужного внимания и не доводить до репрессий. Ребята в классе постепенно привыкли, что Витик теперь общался только с Фуней, и даже не стали упрекать, что он пренебрегает интересами коллектива: не играл с «вэшками» в футбол, из-за чего его собственный класс и проиграл, не участвовал в стычке с «гэшками» за сферу влияния на школьном дворе... Витик переживал, но утешал себя тем, что после Эксперимента займется этим и все восстановит. И девчонки теперь смотрели на него так же, как на Фуню: то ли сквозь, то ли мимо...

Одна только Малька Валеева продолжала приставать к нему со своими непонятными обидами, но к этому Витик привык и не обращал внимания. Как вскоре выяснилось, напрасно.

Малька пригласила его на день рождения в субботу, но только без Фуни. А Фуня – друг, и Витик гордо отказался, сославшись на неотложные дела. Малька обиделась и сказала:

– У тебя на этот час назначено лезть в физический кабинет, да? – Шмыгнула носом и пошла прочь.

Витик просто остолбенел, а потом догнал ее, схватил за плечо и крикнул, что она все врёт. Малька разозлилась и сказала, что сама видела, как он копался у дверей кабинета, и не раз. Тут разозлился Витик и закричал, что она за ним бежит и подсматривает, и если она кому-нибудь что-нибудь про это скажет, то он не посмотрит, что она девчонка. Малька заревела и убежала, а Витик помчался к Фуне.

Фуня, узнав о случившемся, раскричался, заявил, что из-за неосторожности Витика может сорваться Эксперимент, что Витик сто лет сидел с этой Малькой за одной партой и обязан знать, на что она способна! Пусть делает что хочет, но Эксперимент должен состояться! Витик слабо огрызался, говоря, что Фуня мог бы и помолчать, потому что бить без толку бутылки легко и безопасно, попробовал бы сам открывать кабинет – еще и не так бы завалился! И вообще, все произошло из-за Фуни, потому что Витик из-за него отказался идти к Мальке на день рождения.

Тут Фуня совсем зашелся, но вдруг успокоился и холодно заявил:

– Пойдешь к ней и разведешь ее планы.

– Что?! – возмутился Витик. – Мне проситься к ней на день рождения?! Да еще после того, как отказался?!

– Сам разбирайся, – отрезал Фуня. – Дело важнее. Клятву давал? Выполняй. И Витик сник.

На следующий день, идя в школу, Витик думал, как ему наладить отношения с Малькой, и очень мучался. А вдруг она фыркнет и скажет: «Надо было соглашаться, когда звали!» Что тогда делать? Но Малька сама подошла к нему перед уроком и, глядя в пол, сказала, чтобы он не сердился, что она увидела его возле физического кабинета случайно и никому, конечно, ничего не скажет и что все-таки просит его прийти, а если он не хочет один, то пускай с Фуней. Витик очень обрадовался, сказал, что обязательно придет, тут же побежал к Фуне и злорадно сообщил ему, что придется идти к Мальке вдвоем. Фуня переменился в лице, но промолчал.

На дне рождения оказалось очень здорово: весело и вкусно. Малькин отец показывал фокусы, Малька играла на дудочке, а два ее мелких, совсем одинаковых брата танцевали какой-то татарский танец. Потом все смотрели мультики по видеку. А потом был ужин. Серьезная и молчаливая Малькина мать угощала всех незнакомыми кушаньями, из которых Витику запомнились замечательной вкусности мясо и хрустящие шарики в меду.

Фуня принес Мальке в подарок прозрачный кристалл с серебристой избушкой, колодцем, заборчиком и двумя елочками внутри, а если встряхнуть, то непонятно откуда сыпались белые точки снега. Красивый подарок, и Мальке он очень понравился. Почему-то Витику это было приятно. Сам он подарил ей крохотный золотистый кувшинчик на тонком кожаном шнурке – носить на шее. Кувшинчик, с условием четыре раза убрать за него квартиру, дал ему брат. Малька даже охнула, когда увидела подарок, и сразу надела его. И вообще, она была очень красивая в пышном розовом платье, белых колготках, красных лаковых туфлях, румяная и причесанная по-взрослому.

У нее в гостях кроме классных были еще двое мальчишек и девчонка, черные и скуластые, как выяснилось – родственники. Между собой они говорили не по-русски и называли Мальку «Маула». А Витик даже и не знал, что у нее такое имя – Малька и Малька...

Один из мальчишек все время глядел на Витика узкими глазами, а после ужина вызвал его в коридор и сказал, что хочет с ним драться. Витик очень удивился и сказал, что не хочет. Мальчишку перекосило, и он стукнул Витика. Пришлось его оттолкнуть. Он ударился о стенку и кинулся уже всерьез. Но тут в коридор вышел Малькин папа, поймал мальчишку и стал ему что-то говорить, а Малька, увидев это, вцепилась в Витика и стала спрашивать, где у него болит. Витик незаметно показал мальчишке кулак, сказал, что ни где не болит, и поблагодарил за заботу.

Фуня на дне рождения сначала сидел втянув голову в плечи, но потом оттаял, участвовал в общем веселье и даже долго беседовал с Тонькой Сторбеевой и черненькой родственницей, а они восхищенно смотрели на него.

По дороге домой Фуня вдруг признал:

– Вообще-то было ничего. И сама эта твоя Малька – тоже ничего.

– Почему это – моя? – спросил Витик.

– Потому, – ответил Фуня.

– Моя – другая... – вздохнул Витик.

Но Фуня не ответил.

Настал день, когда Витик, заглянув после уроков в физический кабинет, увидел искровую машину на длинном учительском столе, готовую к завтрашним занятиям. Осуществлять Эксперимент нужно было сегодня, именно сегодня! Витик велел Фуне бежать за сумкой с оборудованием, а сам стал прогуливаться по темноватой лестничной площадке. Время от времени вспыхивали голоса – кончались то ли собрания, то ли кружки, – и тогда Витик отбегал от кабинета подальше. Наконец из кабинета вышел физик, уже в пальто и с «дипломатом», запер дверь и, как обычно что-то напевая, пошел по коридору. Вот он зашел в учительскую, вот вышел из нее, пересек площадку и скрылся. Было слышно, как он спускается по лестнице.

Наступила тишина. Витик сделал два круга по площадке, подошел к лестнице, поглядел вниз, осторожно прошелся до учительской. Никого. Можно начинать. Где этот чертов Фуня? За смертью его посылать! Дома его заловили, что ли? Или к нему по дороге пристали «гэшки»? Если это так, Витик завтра же организует крестовый поход против них и наведет порядок среди шестых классов! Что это за разбой на дорогах! Витик уже волновался не на шутку, когда Фуня наконец явился и сообщил, что поел дома сам и захватил пару бутербродов Витику, чтобы голод не отвлекал от дела.

От волнения Витику совершенно не хотелось есть.

– Какая еда?! – возмутился он. – Времени мало. И ты мог бы потерпеть, обжора несчастный!..

Он поставил Фуню в конце коридора, поближе к учительской, и приказал махать платком, если кто-нибудь появится на лестнице. Сам он отыскал в сумке стамеску и принялся за дело. Конечно, шпингалет уперся! В прошлый раз пошел сразу, а сейчас – ни в какую! Витик пробовал и так и эдак, но ничего не получалось: стамеска срывалась. К тому же Фуне постоянно казалось, что кто-то идет – он махал платком, и Витику приходилось бросать дело, хватать вещи и отбегать за угол. В конце концов он разозлился, снял Фуню с его поста и велел навалиться всем телом на дверь. Еще одно усилие – и шпингалет со стуком скакнул вверх. И тут, непонятно откуда, раздался жалобный вскрик:

– Не надо!

Витик аж подскочил на месте и замер со стамеской в руках.

«Бежать! – мелькнула мысль. – Где Фуня?»

Фуня сидел на корточках возле сумки, сжавшись в комок и обхватив голову руками.

Витик осторожно выдохнул и огляделся: никого и ничего. Тишина.

– Кто кричал? – шепотом спросил он.

– Не знаю, – так же шепотом ответил Фуня и поднял голову.

– Откуда кричали? – снова еле слышно прошептал Витик.

– Не разобрал, – ответил Фуня. – Постой-ка, ты ничего не слышишь?

Витик затаил дыхание. Действительно, где-то совсем рядом слышались странные звуки: какое-то шуршание, вздохи... Звуки эти шли от противоположной стены. Там с незапамятных времен был прибит здоровенный лист фанеры, что-то закрывавший в ожидании ремонта. Витик настолько привык к нему за время своих наблюдений, что перестал замечать. Он оглянулся на Фуню, тот показывал пальцем на лист и кивал. Витик подкрался к листу и замер, прислушиваясь. Действительно, странные звуки шли из-за него. Он попытался заглянуть за лист – ничего не видно, прибит к стене, и всё. Фуня шумно задышал за спиной.

– Тихо! – шепотом приказал ему Витик и вдруг гулко стукнул по фанере ногой.

За листом пискнуло.

– Ты что! – подскочил Фуня.

– А ну-ка вылезай! – скомандовал Витик.

Послышалась возня, противоположный край листа, тот, что в углу, стал отгибаться от стены, из-за него медленно вылезла Малька и встала, опустив голову и теребя поясok платья. До чего же она была грязная: платье в известке, белые колготки в пятнах, в волосах какие-то щепочки...

Чего угодно мог ожидать Витик, но только не этого. Он тупо смотрел на Мальку, и в голове у него вертелась только одна мысль: «С той стороны лист не прибит, с той стороны лист не прибит»... Потом появилась другая: «Все сорвалось! Убить ее, что ли?» И еще одна: «А на шее-то мой кувшинчик!»

А Малька все теребила поясok и вдруг всхлипнула. Витик понял, что за звуки доносились до них с Фуней. Это Малька тихо ревела за листом.

– Как ты туда попала? – спросил Витик, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Залезла, – тихо ответила Малька, на секунду подняла мокрые глаза на Витика и тут же опустила.

– Как же ты там помещалась?

– Там яма в стене...

– Ниша, что ли?

– Ниша, – совсем тихо ответила Малька. Пальцы ее быстрее затеребили пояс.

– Та-ак! – вдруг зловеще протянул за Витикиной спиной Фуня. – Шпионила, значит. Зачем туда залезла, отвечай! – вдруг закричал он так, что Витик вздрогнул.

Малька еще быстрее завертела пальцами и затянула тоненько и непрерывно:

– И-и-и-и!..

На пыльный пол закапали слезы, оставляя темные пятна, как дождь на асфальте.

– Перестань реветь! – приказал Фуня, но уже потише: – Зачем туда залезла? Зачем кричала: «Не надо!»?

– Я... Я за него боялась. Не знала, зачем он... Эту дверь... Витичек, ну пожалуйста, не надо оттуда ничего красть, не слушай ты этого своего Фуню! – вдруг заголосила она. – Тебя посадят в тюрьму, и ты больше не будешь с нами учиться... У-у-у!..

Витик остолбенел и уставился на Мальку, не в силах произнести ни слова.

– Дура! – взревел Фуня у него за спиной, и Малька смолкла. – Как ты посмела за нами следить?! Мы должны провести опасный физический эксперимент. Нелегально! А необхо-

димая установка есть только тут, в кабинете. Ты сорвала важнейшее открытие! – Голос его поднялся чуть не визга и прервался.

Витик оглянулся и увидел, что по Фуниным щекам ползут две слезы, и ужас положения дошел до него.

– Что ты наделала! – сказал он скорбно. – Как ты могла такое о нас подумать?

– Я... Я... – забормотала Малька. – Ой, простите меня, мальчики! Ой, сделайте ваш эксперимент, я честное-пречестное слово никому не скажу. А он очень опасный?

– Очень, – буркнул Фуня и повернулся к Витику: – Эксперимент проводить будем! Ее возьмем с собой, а чтобы не разобралась в идее, завяжем глаза.

– Нельзя ее брать с собой, – возразил Витик. – Что будем делать, когда *она* образуется? Мы хоть знаем, с чем дело имеем, и защита у нас хоть какая, но есть, а она? Женщина, да еще с завязанными глазами. Сам говорил, что невозможно предсказать, как молния поведет себя, когда...

– Тише! – страшным шепотом перебил Фуня. – Может быть, посадим ее в лаборантскую, а дверь закроем?

– А если пожар? – предположил Витик. – Ей же не убежать оттуда.

– Ай! – взвизгнула Малька, переводя широко распахнутые глаза с Витика на Фуню и обратно. – Я... Я вас не пущу! А пойдете – позову дежурную.

– Что-о?! – опять заревел Фуня и, набычившись, двинулся на Мальку.

Она запищала и попятилась. Витик поймал друга за рукав.

– погоди, – сказал он. – Никому она ничего не скажет. Она останется здесь и будет охранять нас снаружи. На помощь позовет, если что... «Скорую» там, пожарников. А мы проведем Эксперимент.

– Не-ет... – дрожащим голосом заныла Малька. – Я тут одна не останусь, я с вами... Я без вас боюсь.

– Тихо! – опять прикрикнул на нее Фуня. – Будет так, как он сказал. Иначе я должен буду остаться с тобой, а он один не справится и попадет под удар. Поняла? Всё!

Малька тихо подняла к подбородку сжатые кулачки и кивнула.

К Эксперименту было готово всё: трещалка проверена, кастрюлька с водой булькала кипятком, шапки надеты, отражающие экраны на палках приготовлены. Оставалась только стеклянная труба. Вот Фуня достал ее из холодильника, уложил на стопку книг на пути искры, уравновесил, осторожно отвел руки и отошел. Холодный воздух чуть клубился вокруг нее. Витик взялся за ручку машины. И вдруг, как наяву, увидел он медленно и страшно набухающий в трубе красный огонь с бегающими по нему голубоватыми точками, разлетающиеся осколки трубы, бесшумный неотвратимый полет огненного шара к ним с Фуней и почувствовал слабость во всем теле. Он растерянно оглянулся на Фуню. Тот был бледен до синевы, глаз за отблескивающими стеклами очков не было видно.

«Может быть, не стоит...» – хотел сказать Витик.

Но в этот момент Фуня выбросил правую руку вперед и крикнул:

– Крути!

Витик судорожно рванул ручку, стол дрогнул, труба качнулась и вдруг покатила со стопки книг. Витик и Фуня как зачарованные смотрели на нее.

«Ну вот и конец Эксперименту», – подумал Витик с каким-то хитреньким облегчением, о котором потом всегда вспоминал со стыдом.

Труба ударила о стол, о край возвышения, на котором он стоял, упала на покрытый линолеумом пол, крутнулась несколько раз на месте и замерла.

– Ф-фу-у-ух! – выдохнул Фуня и стал медленно розоветь. – Цела. Повезло. А ты не дергай так – совсем одурел! – закричал он на Витика.

И тут Витик перестал бояться. Совсем перестал и страшно обрадовался, что труба цела и можно продолжить Эксперимент.

– Сам одурел! – ликующе закричал он. – Какой идиот кладет стеклянную трубу, ничем ее не закрепив?! Подоткни под нее что-нибудь.

– А ты куда смотрел? – огрызнулся Фуня, но тон у него был виноватый.

– Мальчики, что случилось? – донесся из-за двери дрожащий Малькин голос. – Я боюсь...

– Сейчас, сейчас, скоро уже, – рассеянно отозвался Витик.

Фуня в это время подкладывал под трубу с обеих сторон кусочки ластика. Вот он покачал трубу пальцем и отошел.

– Крути. Быстрее давай: труба согреется, – сказал он.

Медленно и на этот раз осторожно Витик раскручивал ручку. Фуня стоял с растопыренными руками и не сводил глаз с трубы, готовый ловить ее, если она вздумает падать опять. Все быстрее и быстрее вертелись колеса, и вдруг синяя длинная искра с жестким треском вылетела из одного шарика, обогнула трубу и ударила в другой. Сильно запахло свежестью.

– Ай! – раздалось за дверью.

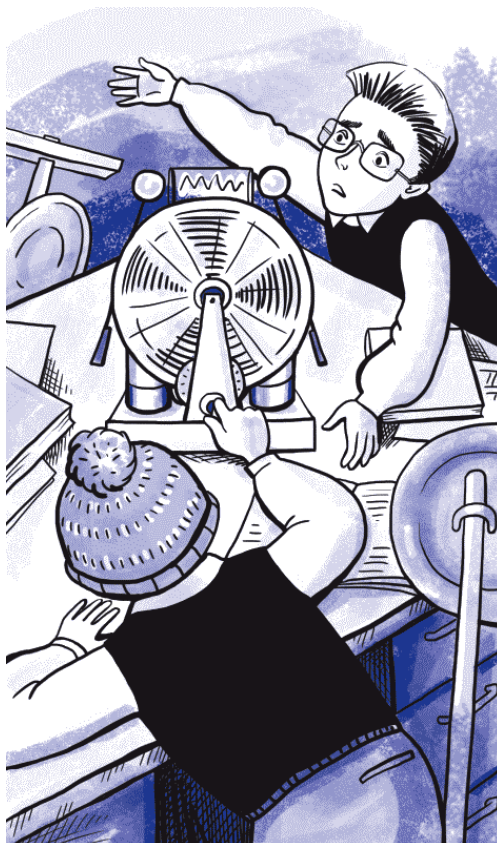
Но Витик с Фуней даже не оглянулись.

– Обманула! – укоризненно сказал Фуня. – Надо сделать изолирующий экран. Что за бумага там в углу?

В углу лежали старые объявления на ватмане. Витик сложил одно вчетверо, проделал в нем дыру и надел на трубу, как большой воротник. Снова завертелись колеса, снова рванулась теперь уже знакомая искра, но проскочила она на этот раз прямо через трубу, как будто и не было там непроходимого для нее холодного воздуха.

– Почему?! – в отчаянии воскликнул Витик.

– Согрелась, – мрачно отозвался Фуня. – Надо ее опять в холодильник.

– Я больше не могу! – донеслось из-за двери.

– Может быть, пустим ее пока? – спросил Витик. – Трубу она не увидит и ни о чем не догадается.

– Ладно, – разрешил Фуня.

Витик открыл Мальке дверь:

– Заходи. Есть хочешь?

Пока труба остывала, они сидели и жевали бутерброды, запивая их теплой водой из кастрюльки. Малька смотрела в пол, лицо у нее было измученное, и Витик подумал, что волноваться за кого-то – тоже нелегкая работа. Ну ничего, теперь уже все ясно, и следующая попытка обязательно будет удачной.

– Всё! – безжалостно сказал Фуня. – Выходи!

Малька безропотно пошла к двери, волоча по полу свой ранец. Витик проводил ее взглядом.

Скоро стало ясно, что опыт не удался. Искра летела куда хотела и когда хотела, независимо от того, была труба холодной или нет, стояла или нет кастрюлька с горячей водой. Один раз эта кастрюлька грохнулась на пол, плеснув кипятком Фуне на ноги. В другой раз Витик покрутил ручку, схватился за шарик и почувствовал такой злой, пронзительный укол, что взвизгнул, как девчонка; тут же визгом ответила из-за двери Малька. Нужно было кончать, но Фуня, чуть не плача, требовал попробовать еще так, и еще вот так, и еще...

Наконец Витик сказал:

– Всё, хватит, – и начал складывать вещи.

Фуня стоял рядом и орал, что нужно продолжать, что они упускают, может быть, последний шанс, что он – Президент и приказывает, а Витик – предатель!

Вдруг Малька чем-то стукнула в дверь и прошипела:

– Тихо!

Фуня замолк, и в тишине стало слышно, как кто-то неторопливо поднимается по лестнице. Витик быстро выключил свет и затаился.

– Ты что здесь делаешь? – услышали они удивленный женский голос. – Поздно уже, в школе никого нет.

– Я ключ от дома потеряла и жду тут, когда родители придут с работы, – быстро ответила Малька честным голосом.

– Ты одна здесь? Я вроде разговоры слышала. – Дверь дернули. – Там никого нету?

– Никого-никого, – заверила Малька. – Это я сама с собой на разные голоса разговариваю от страха. Можно я еще немножечко здесь побуду? Мои уже скоро придут домой.

– Возле меня подождешь, – сказала женщина. – И тебе страхи меньше, и мне спокойнее. Пойдем.

– Дежурная, – шепнул Витик Фуне.

Дождавшись, пока шаги затихли, они быстро собрали вещи, запихали в сумку, осторожно вышли из кабинета и захлопнули за собой дверь. Из школы вылезли через окно туалета первого этажа: только учителя не знали, что оно не запирается. У школьных ворот их ждала Малька.

– Не получилось, – мрачно сказал ей Витик. Настроение было хуже некуда.

Малька дрожащим от сочувствия голосом стала говорить, что это ничего, что в следующий раз у них все обязательно получится, что они просто ужас какие смелые: она за дверью чуть не умерла от страха, а они нисколько не боялись прямо возле этой страшной машины, заглядывала в глаза и спрашивала: «Да, Витик?» Витик, жалея ее, что-то отвечал, Фуня глухо молчал. Наконец возле своего дома Малька попрощалась с ними и убежала.

– Что будем делать? – спросил Витик.

– Думать надо, – не сразу ответил Фуня. – Может, искра слишком маленькая, молнии-то из облаков вон какие...

Витик ничего не ответил.

– Зайдешь? – спросил Фуня возле своего дома скучным голосом.

– Поздно уже, домой пора, как бы не влетело, – отказался Витик.

Фуня не настаивал.

В довершение ко всем неудачам во дворе Витик встретил Эльку. Она стояла возле машины разодетая, наверное, собиралась в гости. А может быть, и на Вовин концерт. Ее надутый папаша уже сидел за рулем, мать устраивалась на заднем сиденье. У Витика сильно стукнуло сердце.

– Эй! – окликнула его Элька.

Витик остановился.

– Почему не идешь, когда тебя зовут? – поинтересовалась Элька.

– Чего надо? – хмуро спросил Витик.

– У тебя усталый вид. Трудно было?

– Да, Эля, у нас сегодня... – Витик аж задохнулся от неожиданного сочувствия.

– Что, нелегко зарабатывать известность? А вдруг ты уже знаменитый и тебя показывали по телевизору, а я проглядела? – перебила его Элька. – Ты обязательно скажи, когда покажут, уж не забудь про меня. Ой, меня мама зовет! – Элька противно хихикнула и плюхнулась на заднее сиденье рядом с матерью.

Витик мучительно соображал, что бы ей такое ответить, чтобы она перестала ехидно улыбаться и смотреть торжествующим взглядом, но ничего, кроме «дура», в голову не приходило. А говорить это при родителях не стоило.

– Так не забудь, предупреди! – сказала Элька и захлопнула за собой дверцу.

Машина тронулась.

– Вову своего не просмотри! – крикнул вслед машине Витик.

Но, во-первых, это было неудачно, во-вторых – поздно. И он в еще более паршивом настроении пошел к подъезду.

Дома ему сказали, что уже два раза звонил Алеша и просил позвонить, как только Витик придет.

«Какой еще Алеша? – вяло подумал Витик. Ни с кем разговаривать не хотелось. – Да ведь это Фуня, он же на самом деле Алеша!» – вспомнил Витик и набрал Фунин номер.

Тот взял трубку и сразу закричал:

– Я все понял! У нас ничего и не могло получиться! Мы пускали искру через готовый непроходимый воздух, а надо ставить такой воздух у нее на пути, когда она уже вылетела. – Голос у Фуни был опять бодрый и уверенный.

«Надо же, как просто! – подумал Витик. – Действительно: чувствует, что может, – летит; чувствует, что не может, – не летит. А вот подловить ее, когда она уже вылетела... Только как это сделать?»

– И давай немедленно ко мне, – включился он в Фунин монолог.

– Уже поздно, Фуня, и не пустят меня, – сказал Витик. – И есть я хочу, и уроки не сделаны...

– Ты не любишь науку, – заявил Фуня. – Тогда завтра обсудим. А сегодня – думай. Пока.

Настроение чуть-чуть улучшилось. Витик пошел мыть руки. «А как искра чувствует, можно ей лететь или нет? – мелькнула мысль. – Ладно, спрошу потом у Фуньки».

Утром, войдя в класс, Витик сразу наткнулся на Фунин вопросительный взгляд и покачал головой. Фуня вздохнул и отвел глаза.

«Тоже ничего не придумал», – понял Витик.

– Ну как успеть подставить ей какое-нибудь препятствие? – уныло произнес Фуня, когда Витик сел на свое место рядом с ним. – Она знаешь как быстро летит? Ужас! Папа сказал, метр она пробегает за одну тысячную секунды, а между шариками машины расстояние еще меньше раз в пять. За две десятитысячных, значит...

– За сколько?! – переспросил Витик.

– За две десятитысячных, – повторил Фуня упавшим голосом. До него тоже дошло, что и за целую секунду мало что можно успеть сделать, а уж за две десятитысячных...

Англичанка вошла в класс, все встали, Фуня и Витик тоже поднялись, почти не замечая происходящего вокруг.

«Тут что-то не так, – думал Витик. – Десятитысячная – это и увидеть не успеешь, а мы искру видели и слышали, как она жужжала».

– Не может быть! – зашипел Фуня у Витика над ухом. – Мы искру видели? Видели. Даже ее цвет разобрали: когда – синий, когда – красный с синим... Не-ет, я все понял: проскакивает она, может быть, и быстро, но потом висит некоторое время, как мост, пока электроны не перебегут с одного шарика на другой. Или с тучи на землю. Она долго висит, целую секунду наверное... Здорово! Вот тогда и можно успеть сунуть что-нибудь у нее на пути.

– Замороженную трубу!

– Замороженную вату! В ней много холодного воздуха, и она мягкая.

– Привязать вату за веревочку, и когда искра ударит – дернуть, чтобы встала на пути. Или пружину с курком, как в пистолете...

– А если папиросную бумагу?

– Точно! А если будет плохо пропускать, намочим ее...

– Ура! – воскликнул Фуня.

– Афонин! Что за крик?! Выгоню из класса! – возмутилась англичанка.

На следующем уроке родилось несколько новых вариантов Эксперимента. И опять, переписываясь и перерисовываясь с Фуней, Витик испытывал радость от безмолвного взаимопонимания, когда один взгляд, нарисованный значок, пожатие плечами говорят больше, чем сто слов с другим человеком. «Вот Дуба, например, – думал Витик. – Ему говоришь, втолковываешь, он вроде и слушает, и соглашается, а потом как скажет что-нибудь, и сразу ясно, что услышал он совсем не то, что ты хотел ему сказать. Или Элька... – Витик непроизвольно вздохнул. – А вот Малька – та понимает, если только не обижается своими дурацкими обидами. А может, это она мне хочет что-то такое объяснить, а я не понимаю, оттого и обижается? Кстати, где она, не заболела ли после вчерашнего? А, вон она, к Тоньке пересела, беседуют. И Ниночка-Мыша аж спиной к Чучундре повернулась, из своей парты вылезла, их слушает. И на нас с Фуней зыркает. А разговор-то серьезный, не охают, не хихикают... Интересно о чем?»

– Смотри, – обратился он к Фуне. – Совсем страх забыли. Сейчас Чучундра им даст...

– Ага! – развеселился Фуня. – Кстати, почему она – Чучундра?

– У нее имя-фамилия подходящие: Чучурина Александра Андреевна. Ну вот, дождались.

– Сельцова, Валеева, Сторбеева, дневники ко мне на стол быстро! – скомандовала учительница.

Мыша, Малька и Тонька с воплями: «За что?!» и похоронно-укоризненными лицами, едва шевеля руками, стали доставать дневники.

– Ничего, – прокомментировал Витик. – Это она пугает. После уроков поназидает и отдаст. Интересно, о чем это они говорили, так увлекшись?

– Погоди, – сказал Фуня. – А если попробовать так?..

Он начал рисовать, и Витик тут же забыл о Мальке, Мыше и Тоньке.

В тот вечер, идя к Фуне, Витик очень волновался: предстояло знакомство с дедом. Фуниных отца и маму Витик уже знал. Они были веселые, симпатичные, в очках и джинсах и не очень похожие на Фуню. Зато дед был вылитый Фуня, только старый и волосы белые, лежащие, а не черные и стоячие, как у Фуни. И лицо не сердитое и озабоченное, а какое-то очень усталое. Он был маленький, худой, чуть согнутый, но когда вошел в Фунину комнату, Витик сразу понял: настоящий академик.

Поначалу Витик очень стеснялся и помалкивал, предоставив Фуне излагать их общие разработки, но потом как-то забыл, что дед знаменитый академик, и втянулся в разговор. С дедом было ужасно интересно, хотя сам он говорил мало, а только улыбался, поднимал брови, хмыкал, качал головой. Все равно было видно, что и ему интересно с ними, хотя он в физике знает, наверное, все, а Фуня – почти ничего, не говоря уже о Витике.

Когда они изложили все свои проекты и идеи, как остановить молнию или искру на лету, дед весело посмотрел на них и сказал:

– Ну что ж, фантазия есть, а это важно.

И тогда Витик неожиданно для самого себя спросил:

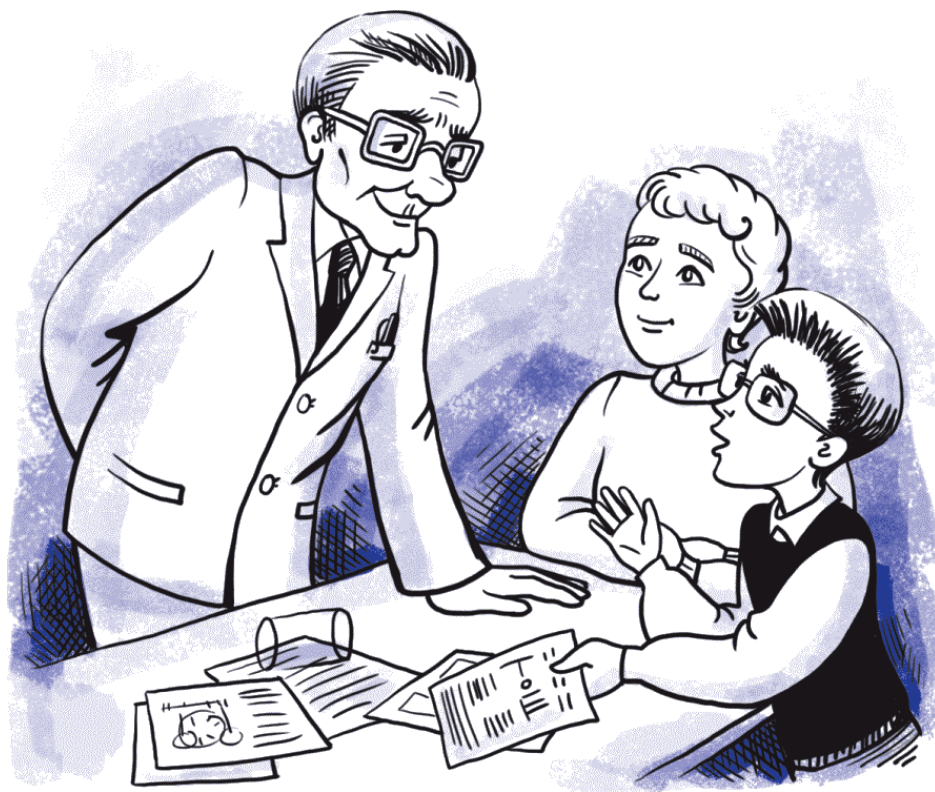
– А откуда искра знает, сможет она пролететь этим путем или не сможет? – и испугался: вдруг его вопрос очень глупый, ведь дед привык только к самым умным вопросам.

– Ну как же... – начал Фуня и растерянно замолк.

Дед вдруг коротко и остро взглянул на Витика, и Витик, сам не зная почему, почувствовал такую гордость, что едва удержался, чтобы не расплыться в улыбке от уха до уха.

– Когда вы вертите колесо электрической машины, электричество накапливается на одном из электродов, то есть на одном из шариков, и меняет свойства пространства вокруг себя... – Дед говорил неторопливо и серьезно. – Мы не видим и не слышим этих изменений, разве что неосознанно чувствуем их.

«Точно! – подумал Витик. – Когда долго крутишь, а искры все нет, что-то чувствуешь и на голове волосы шевелятся».

– Это свойство называется напряженностью электрического поля, – продолжал дед. – Как только напряженность окажется достаточной, искра прорвется к нулевому электроду. В разных условиях для прорыва требуется разная напряженность. В сухом воздухе, например, нужно накопить на разряднике больше электричества, чтобы проскочила искра или молния, во влажном – меньше...

Витик слушал в полном благоговении, и хотя он почти ничего не понимал – не переспрашивать же академика. Фуня все поймет и потом объяснит, а пока важно не упустить ни единого слова.

– Коленька! Николай Ильич! К тебе пришли, – раздался голос.

Дверь Фуниной комнаты отворилась, и на пороге появилась невысокая изящная старушка, по-видимому Фунина бабушка, а за ней очень большой, коричневый от загара, лысый человек в тяжелых очках, с широченной улыбкой, тоже старый.

– Хелло, Ник, хау а ю? – сказал загорелый человек и потряс над бабушкиной головой обеими руками, сцепленными в один громадный кулак.

– Хелло, Джон! – улыбнулся ему дед. – Так вот, исчезнет поле – исчезнет и искра. Известные опыты с торможением интенсивных электронных и ионных пучков в ускорителях не приводили к образованию устойчивых сгустков. Проблема, я думаю, неизмеримо сложнее...

– А куда же тогда денется?... – начал Фуня.

Но дед уже говорил что-то загорелому на английском языке. Тот поднял толстый коричневый палец, сделал круглый рот, воскликнул: «О-о!» – и что-то добавил по-английски.

Дед повернулся к Фуне и Витику и повторил по-русски:

– Я сказал мистеру Бронкману, что не смог дать исчерпывающий ответ на вопрос начинающих физиков, а он сказал, что такова жизнь и это – прекрасно. И все-таки подумайте над моим объяснением. А с вами рад был познакомиться, молодой человек, до свидания.

Дед пожал Витику руку и пошел из комнаты, вытесняя бабушку и мистера Бронкмана и оставляя Витика в счастливом обалдении.

– Ты понял, почему у нас ничего не получилось с молнией? – спросил он у Фуни, когда за дедом закрылась дверь.

– Нет, не успел, – недовольно сказал Фуня. – А все этот американец! Он физик из Беркли, ихний академик, дедов старинный приятель. Теперь жди, когда у деда снова найдется время. Вот черт!

На следующий день Витик заметил, что некоторые девчонки в классе смотрят на него и на Фуню как-то необычно: с испугом, что ли, как на ненормальных. Витик даже спросил Ксанку Деревянкину, чего это она на него так вылупилась, но она закудаhtала: «Ничего, ничего!..» – и быстро исчезла. Витик пожал плечами и перестал об этом думать: мало ли что может взбрести в голову девчонкам. Тем более что подумать было о чем.

Электрическую машину, того и гляди, уберут в шкаф до следующего года, так что с новым Экспериментом следовало торопиться, а у Фуни, что ни час, новая идея. То пустить мамин фен дуть наоборот – вдруг станет гнать холодный воздух? То набрать в тряпку сухого льда – искра прожжет ее, и холодный воздух вырвется. А масло?! Заменить холодный воздух маслом! Витик как услышал такое, просто рот открыл. А Фуня сразу затараторил, что это самая лучшая его идея. Масло наливают во все приборы, где искра опасна, в трансформаторы например. Масло не нужно охлаждать, на путь искры его можно впрыснуть очень быстро – изо рта, например, как воду на белье, когда гладят. И доставать его не нужно: у всех дома оно есть. Надо только натренироваться быстро прыснуть им перед искрой.

Витик долго не мог простить себе, что согласился. За два дня тренировок случилось два тяжелых скандала дома, испачкали подсолнечным маслом одежду и учебники, на всю жизнь возненавидели его вкус и поняли, что способ не годится. Фуня, вздохнув, сказал, что такова научная работа, а Витик, трясясь от злости, заявил, что Фунин дед, пожалуй, прав насчет его дурацких идей и пусть Фуня в следующий раз проверяет их на себе. Фуня на это неуверенно ответил, что Витик не любит науку, и затих.

Тем временем события приобретали неожиданный поворот. Однажды на перемене к Витику подошел Дуба с друг-Гаврилой и спросил, правда ли, что они с Фуней чуть не взорвали школу и сами чуть не покалечились? Витик смог только открыть рот, да так и остался.

Его ошеломленный вид убедил Дубу.

– Я так и знал, что девчонки врут! Чего они только не навывают! – И ушел со своим друг-Гаврилой.

Потом к Витику подступил молчаливый Макся и задрал брови – это означало, что у него вопрос. Витик так же молча помотал головой. Макся усмехнулся, пожал плечами и отошел.

Становилось понятным, почему девчонки последние два дня смотрят на них с Фуней дикими глазами. Не вызывало также сомнений, от кого эти слухи пошли. Фуня, услышав от Витика о произошедшем, засверкал очками, выпятил челюсть и сурово распорядился, чтобы Витик все эти слухи немедленно пресек, тем более что это дело рук его Мальки.

– Почему – моей?! – взвыл Витик.

– Потому! – отрезал Фуня.

Витик не нашел, что ему возразить.

На следующий день про взрыв и опасность спрашивали уже ребята из других классов, а девчонки говорили, что они и подумать не могли, что Фуня такой смелый. Витик боролся с известностью как мог. На все расспросы он отвечал, что всё – вранье, что просто они с Фуней рассказали Мальке, Тоньке и Мыше историю из книжки, а те всё напутали, ну и так далее... Одни верили, другие – нет, но Витик с Фуней слухи отрицали. Малышей, которые тоже откуда-то узнали и пристали к Витику на перемене, он просто разогнал, страшно выпучив на них глаза и затопав ногами. Малька ходила тихая, нервно оглядывалась и явно старалась

не попадаться ему на глаза – чувствовала вину. Свой карающий разговор с ней Витик решил отложить на потом, когда утихнут слухи. А пока пусть ходит и мучается раскаянием за свою болтовню!

Окончив последний урок, Чучундра велела Фуне и Витику задержаться в классе для разговора. Вообще-то в этом не было ничего необычного: она часто оставляла кого-нибудь после уроков для воспитательной беседы. И повод у нее был: снижение Фуниной и Витикиной успеваемости. Но прийти для этого на чужой урок... Тут было что-то не так.

И правда. Чучундра об успеваемости говорить не стала, а почему-то спросила, не хотят ли они ей кое-что рассказать. Витик изумился и сказал, что рассказывать вроде бы нечего. Тогда Чучундра спросила, что с ними происходит и чем это они все время заняты и озабочены. Витик ответил, что ничего не происходит и ничем они не озабочены. Учительница возразила, что это не правда и они просто обязаны рассказать ей, в чем дело, а она постарается им помочь. Витик открыл рот, чтобы сказать, что никакая помощь им не нужна, но тут отворилась дверь, и в класс вошел физик. Этого Витик уж никак не ожидал, и у него похолодело внутри. Фуня тоже переменялся в лице. Конечно, все могло быть, но интуиция подсказывала Витику: это не случайность.

Пока физик здоровался с Чучундрой и говорил с ней на нейтральные темы, Витик успел взять себя в руки. Он незаметно ткнул Фуню в бок, что означало: «Беру игру на себя. Молчи, как партизан». Фуня чуть кивнул и замер. Витик несколько раз вдохнул и выдохнул, чтобы успокоиться, – так учил его брат, – и стал ждать.

Физик наконец перестал болтать с Чучундрой, подошел почти вплотную и уставился на них. Витику ужасно захотелось или выскочить из класса, или тут же во всем признаться. Он покосился на Фуню: тот сидел выпятив челюсть и глядя в стол и, похоже, сдаваться не собирался. И Витик окреп духом, только внутри что-то мелко и противно дрожало.

Но вот физик досыта налюбовался на них, повернулся к Чучундре и стал ей рассказывать, как он был удивлен, обнаружив в запертом физическом кабинете сложенный вчетверо лист ватмана с проткнутой в нем большой дырой («Уй дураки, забыли убрать!» – подумал Витик), недоеденный кусок хлеба с маслом, слегка подсохший («Малькина работа: всегда она с бутерброда все объест, а хлеб оставит. Ну я ее!») и еще кое-какие следы пребывания кого-то в кабинете. Так, например, на ранее чистых разрядниках искровой машины появились следы разрядов – кто-то тайно крутил ее. Он, физик, терялся в догадках: кто это мог быть и зачем? А недавно по школе поползли слухи о каких-то страшных и опасных экспериментах, которые будто бы Витя Белецкий и Алеша Афонин проводили с электроискровой машиной в физическом кабинете. И хотелось бы услышать непосредственно от Вити и Алешы, насколько достоверны эти порочащие их слухи.

Витик, напрягаясь изо всех сил, чтобы голос звучал спокойно и естественно, сказал, что ничего подобного не было, просто они с Фуней пересказали девчонкам один фантастический рассказ про шаровые молнии – какие они страшные и опасные и как ученые чуть не погибли от них, – а эти дуры подумали, что это случилось с Витиком и Фуней, и разнесли по всей школе. Физик хмыкнул, почесал в бороде и вдруг спросил: как они сами собирались защищаться от шаровых молний? Фуня открыл было рот, но Витик успел пнуть его под партой ногой и поскорее сказал, что никак не собирались, потому что никаких молний не делали. Тогда физик засмеялся – из черной бармалейской бороды блеснули здоровенные зубы, и у Витика опять похолодело внутри, – и сказал, что они с Алешей, пожалуй, убедили его в своей непричастности к этому делу и он не станет разбираться, откуда на самом деле пошли эти слухи. Но за это они, Витя и Алеша, должны дать ему и Александре Андреевне честное слово, что никогда без спроса не полезут в физический кабинет, как те злоумышленники, что там побывали.

В классе стояла мертвая тишина. Сначала Витик почувствовал невыразимое облегчение от того, что дознания не будет, потом огорчение, что лопнул Эксперимент, а потом – стыд! Ясно было, что хитрый физик знает все, но почему-то не хочет устраивать разнос. Жалеет их, что ли? И Витик начал краснеть, краснеть и улыбаться натужной стыдной улыбкой, которую мама почему-то называла «собачьей». Он ненавидел себя за эту улыбку, но ничего не мог с собой поделать. Он исподлобья глянул на физика: тот, сунув руки в карманы джинсов, с интересом, даже сочувствием, смотрел на него. У Чучундры, как всегда, лицо было озабоченное, рот собран в плотный кружок, пучок на макушке осуждающе покачивался. Витик почувствовал, что еще немного – и он заревет, как Малька, и это будет ужасно. Он перевел взгляд на Фуню. Тот сидел все так же неподвижно, все так же уставившись в стол. И Витик опять окреп.

– Обещаем, – сказал он.

– Что обещаете? Отвечай всегда полной фразой, – в который раз повторила Чучундра.

– Обещаем, что не полезем в кабинет, как те, – мрачно ответил Витик.

Фуня кивнул.

– Вот и хорошо! – Физик подтянул рукава свитера, несколько раз провел растопыренными пальцами по волосам и пошел из класса. В дверях он оглянулся: – Александра Андреевна, значит, мы договорились?..

– Благодарите Бориса Львовича, – сказала Чучундра, когда физик ушел. – Я бы дела так не оставила. Но это лишний раз доказывает, что вы должны больше времени уделять учебе, жить жизнью класса, не ставить себя выше других...

Витик кивал, соглашался, пристыжено опускал глаза, но стыд, который едва не погубил их с Фуней, больше не возвращался.

– Зачем дал слово? – хмуро спросил Фуня, когда они шли домой.

Витик даже остановился:

– А как же иначе?! А ты не дал бы? Физик же все знал! Ты видел, как он скалился. И Чучундра все знала. Сам ведь кивнул, когда я давал обещание.

Фуня упрямо дернул головой:

– Ну и кивнул бы, как я, а слова не давал. А так Эксперимент погорел. Что теперь делать? Где взять такую машину? Ты не любишь науку!

– Что-о?! – взревел Витик. – А ты сказал бы им, что не согласен со мной и слово не даешь! И тогда имел бы право залезть в кабинет и провести Эксперимент без меня. Ну что?!

Фуня не ответил и отвернулся. Они стояли молча, глядя в разные стороны. Дул холодный влажный ветер. С темно-серого неба сыпал мелкий колющий снег и сразу темнел на мокром асфальте. Черные лужи казались шершавыми от набившейся в них снежной крупы. Мокрые деревья выглядели усталыми и несчастными. Шуршали в снежной каше колеса машин. Люди шли съежившись, глядя под ноги.

Фуня тронул Витика за рукав:

– Что же будем делать?

– Не знаю, – вяло ответил Витик. – Может быть, придумаешь что-нибудь другое?

Фуня выпрямился, лицо его стало надменным.

– С пути сворачиваешь? Трудностей испугался? Клятву забыл? Рано сдаешься! Завтра поговорим.

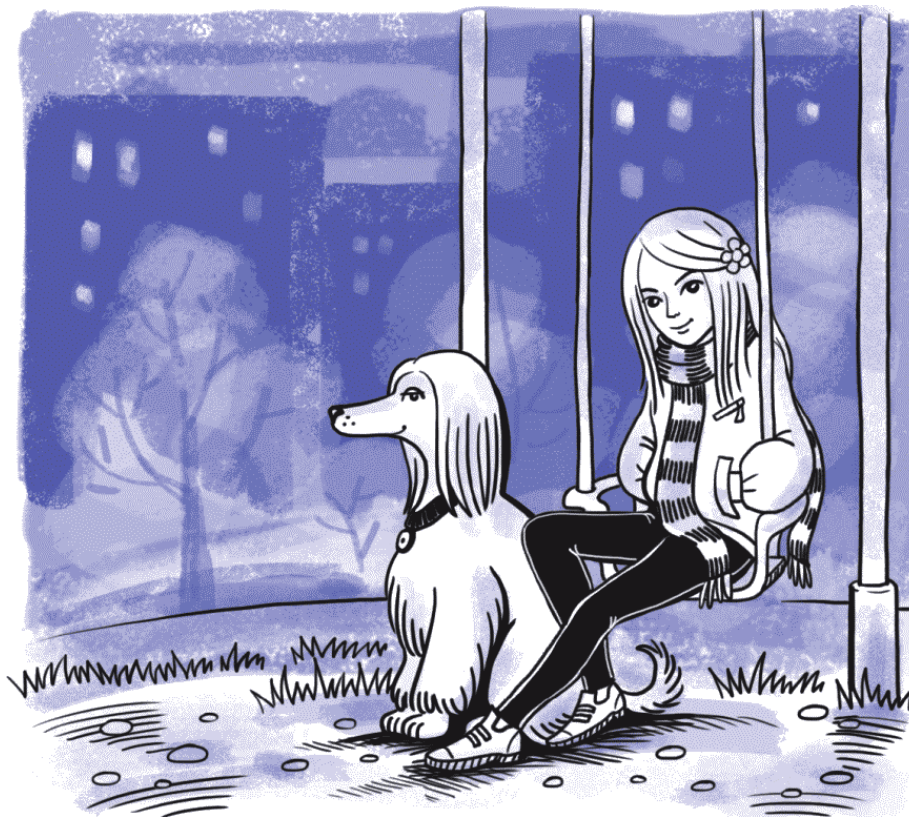
Он поднял воротник куртки и пошел к своему дому.

Витик заканчивал делать уроки, когда брат позвал его к телефону. Звонила Элька. Ласковым голосом она попросила Витика ненадолго выйти к ней во двор. Это было неожиданно и непонятно. У Витика скакнуло сердце и застучало в ушах.

– Зачем? – спросил он севшим голосом.

– Ну вы-йди! – протянула Элька.

Витик засуетился. Он торопливо натянул куртку, влез в сапоги и, невзирая на протесты мамы, с криком, что он только на минуточку по важному делу, вылетел из дому, застегиваясь на ходу.

Элька уже ждала. Она сидела боком на детских качелях и чуть покачивалась, отталкиваясь от земли тонкой длинной ногой. Ее здоровенная узкая собака водила за ней мордой вправо-влево, вправо-влево... Когда Витик подошел, Элька перестала качаться, склонила голову набок и спросила, правду ли говорят, что он чего-то там делал страшное и опасное и чуть не погиб? Витик совершенно обалдел и спросил только, кто ей это сказал. Элька опустила голову, помолчала и вдруг, глянув на него исподлобья, спросила:

– Это ты из-за меня, да? Не надо, я тебя все равно не полюблю, а ты будешь стараться меня завоевать, и с тобой что-нибудь случится. Инвалидом станешь... – И снова бросила на него быстрый внимательный взгляд.

Витик открывал и закрывал рот, не в силах хоть что-нибудь сказать. Элька смотрела на него и ждала. Ее волосатая собака перестала смотреть на хозяйку и тоже уставилась на него. Много бы дал сейчас Витик за яркий остроумный ответ, но опять в голову не лезло ничего, кроме «дура». Он и сказал наконец: «Дура, нужна ты мне сто лет!», понимая, что Элька после такого ответа только утвердится в своем мнении.

И точно, она даже не стала обижаться, только насмешливо хмыкнула, взяла за ошейник собаку и пошла к своему подъезду. А Витик поплелся к своему, злой до последней степени. Эх, попался бы ему сейчас скрипач Вова!.. Хотя он-то в чем виноват?

Настроение было хуже некуда, глаза бы ни на кого не смотрели, и Витик почувствовал облегчение, когда увидел, что вся семья сидит у телевизора. Шел какой-то детектив. Витику казалось странным, что всего полчаса назад он торопился сделать уроки, чтобы тоже его

смотреть. Молча прошел он в их с братом комнату. Никто даже не отвлекся от экрана, только мама сказала, что на кухне ему оставлен стакан молока с пирогом, да брат проводил заинтересованным взглядом. Витик лег на свой диванчик и отвернулся к стене. Все разваливалось, все было плохо. Молнии взять негде – знаменитым теперь не стать. А если и найдешь когда-нибудь, где их делать, другой уже успеет опередить тебя. Бросить физику, заняться чем-нибудь другим? Фуня не захочет. Что ж, терять и физику и друга? Да еще эта Элька... Витик аж завертелся на своем диванчике от унижения и безысходности.

«А всё Малька! У-у, болтуня чертова, убить ее мало! Всю жизнь испортила... Что?! – Витик рывком сел на диване. – Это что же, ему конец из-за какой-то девчонки?! Не бывать такому! Не сдаваться! Заниматься физикой и дальше! К черту всех Элек-Малек, переживать еще из-за них!..» Витик решительно встал с дивана и пошел на кухню пить молоко.

Он доедал пирог, когда зазвонил телефон. Витик даже не шевельнулся: брата, конечно, или родителей. Подошел брат, однако через минуту заглянул в кухню и, с интересом глядя на Витика, сказал:

– Тебя.

– Кто? – удивился Витик.

– Голос женский.

– Не пойду! – Витик гордо выпрямился на табуретке.

– Иди-иди, довел девушку до слёз – теперь объясняйся.

– Какую девушку? – испугался Витик.

– Ишь тихоня! – заулыбался брат. – Девчонка тебя во двор вызывала? Вызывала. Ты бегал? Бегал. Вернулся злой, как змей, – значит, что-то произошло. А теперь девчонка звонит – плачет. Какой напрашивается вывод?

– Почему плачет? – не понял Витик.

– Вот и разберись почему.

В голову полезло уж совсем несуразное: скрипач Вова побил Эльку и она просит за нее отомстить. Или Эльке стало стыдно до слёз за ее отношение к Витику, и она хочет попросить у него прощения. Но, даже не дойдя до телефона, он отверг эти два предположения как совершенно абсурдные.

– Алло, – осторожно сказал Витик в трубку.

– Витичек, это ты? – донесся до него плачущий голос.

Витик облегченно вздохнул: Малька. А что плачет – правильно: вину чувствует. Сейчас начнет оправдываться. Настроение почему-то сразу улучшилось.

– Та-ак!.. – протянул он зловеще. – Вся школа уже знает. Физик с Чучундрой сегодня после уроков допрос под пыткой нам с Фуней устроили. В физический кабинет нам ход закрыт. Важнейшее открытие похоронили. – Витик выдержал длинную паузу. – А все ты и язык твой длинный! А ведь честное слово давала. И от справедливого возмездия прячешься. Но я тебя все равно найду!

– Я не прячусь, я сразу хотела тебе позвонить, но при маме с папой нельзя. А сейчас они ушли в гости, и я тебе тут же позвонила, – заторопилась Малька. – Витичек, не сердись, пожалуйста. Я только Тоньке рассказала, ей ведь интересно про Фуню... Вы с ним такие храбрые и умные... Она честное-пречестное слово дала, что никому не скажет ни словечка, а сама... Это все Мыша поганая! Она тоже дала честное-пречестное, а сама всем разболтала... Особенно этой Ксанке. Я теперь с ними ни за что не буду дружить! Не сердись, а то я, как узнала, что вас с Фуней допрашивали, все время плачу. Ну почему я такая несчастная?!

За болтовню Мальку следовало примерно наказать – например, перестать с ней разговаривать, но не получалось: уж очень она горевала, уж очень раскаивалась. И потом, Витик понимал, что разболтала она не со зла, просто девчонки не способны хранить тайны. Но сделать ей внушение было необходимо.

– Реви не реви, а доверять тебе нельзя, – сказал он. – Дружи со своими Тоньками и Мышами и дальше, а про меня...

– Витичек!.. – взвыла Малька.

– Нет. Всё! – перебил ее Витик. – И нечего было ждать, пока уйдут родители, вполне могла позвонить мне при них. Или ты не хотела, чтобы они узнали, какая ты болтливая?

– Нет, не потому, – ответила Малька каким-то упавшим голосом, помолчала и начала снова: – Не сердись, я больше не буду. Я ведь не думала, что...

– Так почему? – настаивал Витик. Ему не хотелось заканчивать разговор.

– Нельзя, Витичек, не спрашивай меня, пожалуйста...

– То есть как – нельзя? – насторожился Витик. – Почему это нельзя? Про меня – всем можно, а мне про тебя – нельзя? А ну-ка отвечай быстро: почему нельзя звонить мне при родителях? Не ответишь – навсегда! Ну?

– Они не хотят, чтобы я с тобой дружила-а-а!.. – донеслось из трубки, и тут же раздались частые гудки.

Витик онемел. Почему?! Не хулиган, не урод, не курю, пива не пью, клей не нюхаю. В школе – пятерки и четверки, друзья – честные, уважаемые люди, родители – ученые-геологи, брат – будущий знаменитый актер. За что?! Он снова схватил трубку, чтобы позвонить Мальке и потребовать ответа. Опять занято... И поздно уже, неудобно звонить. Черт побери! Теряясь в догадках, Витик пошел допивать молоко. «Ну уж завтра я заставлю ее все мне рассказать! – возмутился он. – Что это такое? И вообще...»

Хотя известность стала уже сходить на нет, хлопот было еще много. Теперь Витика подзывали к себе старшеклассники, а от них не отмахнешься. Приходилось беседовать, иногда всю переменку. Когда он наконец вырывался и бежал разыскивать Мальку, его опять захватывал какой-нибудь любопытный, и всё начиналось сначала. Витик решил поймать ее по дороге домой, но к концу дня совсем озверел от расспросов и упустил. Он привык, что Малька всегда толчется где-нибудь в пределах видимости, а тут как испарилась! Конечно, она понимала, что Витик потребует от нее объяснений, и явно избегала разговора. Дело, видимо, было достаточно серьезным.

По дороге домой Витик рассказал все Фуне и спросил, что он думает по этому поводу? Фуня пожал плечами и сказал, что это наверняка Малькины фантазии – наболтала, например, родителям, что Витик хочет что-то украсть из физического кабинета. Потом, конечно, объяснила, что и как, но – поздно. Родители – они такие: если что втемяшилось – всё! Особенно когда речь идет о дурном влиянии на их ребенка. Он, Фуня, сталкивался с такими вещами, и не раз.

Нет, Фуня – это голова! Витик даже огорчился, что сам не додумался до такого естественного объяснения. Конечно, Мальке трудно признаться, что она еще и такое устроила... Тем более надо поговорить с ней, а если потребуются, то и с ее родителями! Что это такое, в конце концов! Нет, завтра Малька от него не сбежит.

Вечером Фуня позвонил Витику и объявил свое решение – результат двухдневных раздумий – делать искровую машину самим!

– С ума съехал? – спросил Витик доброжелательно.

– Нельзя останавливаться на пути к цели. Ты не любишь науку! – ответил Фуня.

– А ты ненормальный, – ласково сказал Витик.

– Сам дурак. Будешь работать?

– Ты хоть знаешь, как их делают?

– Скоро узнаю. Я попросил отца принести из ихней библиотеки книжки про искровые машины. Они называются генераторы Вана Графа.

– Вот когда принесет, тогда и поговорим. Вдруг такую машину делают только на заводе?

– Поговорим. Завтра поговорим, – пообещал Фуня и повесил трубку.

На следующий день отловить Мальку снова не удалось. На переменках она просто вцеплялась в своих Тоньку и Мышу и ходила с ними, тревожно оглядываясь на Витика. А за Витиком хвостом ходил Фуня и зудел, что главное – захотеть, что нужно проявить решимость и упорство, что великие открытия всегда сначала кажутся невозможными, а потом получаются. И пусть Витик подумает, каково было первым исследователям: все приборы они выдумывали и строили сами. От всего этого голова у Витика пошла кругом, и он согласился делать машину.

– Только чтобы точно знать, из чего и как ее делать, – уточнил он.

– А как же! – обрадованно ответил Фуня и наконец отстал.

...Витик попробовал перехватить Мальку по дороге домой, но и тут она оказалась с Тонькой и Мышей, хотя этим двум было совсем в другую сторону. Наверняка специально позвала с собой! Это было уж слишком! Кто другой, но Малька!.. Всегда послушная, чуть что – реветь, а тут...

Ну нет, она должна ответить, почему ей запрещают водиться с ним! И ответит!

Он решил дожидаться Мальку утром перед школой в ее собственном дворе, но она вышла из подъезда с отцом. Витик пошел следом, стараясь не попасться им на глаза. Когда отец, поцеловав Мальку, свернул в метро, Витик догнал ее и загородил дорогу.

– Сегодня после школы в книжном! – сказал он сурово. – Возле отдела «Физика – астрономия». Не придеешь – всё! Поняла?

Малька кивнула не поднимая головы. Витик еще секунд пять смотрел на нее, сдвинув брови, потом резко повернулся и, не оглядываясь, пошел в школу.

После школы, с великим трудом отвязавшись от Фуни, который талдычил про искровые машины и науку вообще, Витик побежал в книжный магазин. Малька была уже там и смотрела на двери. Витик медленно подошел к ней, она опустила голову.

– Пришла, значит, – сказал он.

Малька слабо кивнула.

– Почему от меня бегаешь?

– Я не бегаяю, – тихо сказала Малька и затеребила пальцами застежку на куртке.

– Нет, бегаешь! – повысил голос Витик.

Малька подняла на него намокающие глаза, и Витик сразу сбавил тон: не хватало еще, чтобы она начала реветь прямо тут, при людях...

– Что ты наговорила про меня своим родителям?

– Я?! – Малькины глаза сразу высохли. – Ничего не наговорила.

– И то, что я хочу обворовать физический кабинет, тоже не говорила?

– Кабинет? Ты что! – возмутилась Малька.

– Тогда почему они тебе не разрешают со мной дружить?

Малькины глаза снова заблестели.

– Говори! – приказал Витик. – А то уйду, и тогда – всё.

– Я боюсь, – прошептала Малька. – Ты перестанешь меня уважать...

– Уважать?! – изумился Витик. – Это еще почему?

Малька закрыла лицо руками и начала всхлипывать. Витик оглянулся. Охранник и две молодые продавщицы уже поглядывали на них с интересом. Витик схватил Мальку за рукав и потащил из магазина. Она послушно пошла за ним.

– Идем к нам, – сказал Витик. – Мама с папой на работе, брат в институте, реви сколько хочешь.

Малька молча помотала головой.

– Ну, тогда в парк, там сейчас никого нет.

В парке действительно было пусто, только изредка к синему полотнищу с надписью «Финиш» с мощным пыхтением проносились лыжники. Малька и Витик пересекли лыжню и по чьим-то следам, оставленным в рыхлом снегу, пошли к беседке с колоннадой, любимому месту Витика в парке. Снега было много, деревья из-за этого казались низкими, скамейки совсем утонули в сугробах. Недавно опять был снегопад, в сереньком воздухе еще качались редкие крупные снежинки и устраивались, как белые звезды, на красной Малькиной куртке. Ее белая шапка с помпоном сама была как кучка снега, а колготки и белые мохнатые сапожки сливались с окружающей белизной. Если прищурить глаза, начинало казаться даже, что красная курточка сама плывет над сугробами.

«„Человек-невидимка“. Герберт Уэллс», – подумал Витик.

Он подошел к одной из скамеек, смахнул снег и сел. Малька устроилась рядом, плотно сжав коленки и подняв воротник куртки. День был не морозный, но сыроватый, Витику было зябко, и он подумал, что Мальке, наверное, холодно в ее тонких колготках. Но не откладывать же из-за этого разговор.

– Ну так почему твои не хотят, чтобы мы дружили? – начал он. – Только не реви – не поможет.

– А ты никому не скажешь? Никому-никому?

– Никому.

– Поклянись!

– Это еще что такое?! Не стану!

– Тогда дай честное слово.

– Ну, честное слово.

– Честное-пречестное?

– Да, да, честное-пречестное! Говори.

– И никому никогда в жизни?..

– Да говори же ты!

Малька сидела обхватив колени и молчала. Витик терпеливо ждал. Столь серьезная подготовка убедила его, что Малька скажет что-то важное и неожиданное, но то, что он услышал, превзошло всё.

– Я должна выйти замуж за того, который лез к тебе драться на моем дне рождения, потому что он татарин, как и я. Наши родители давно договорились! – выпалила она наконец и искоса глянула на Витика.

Витик, сидя, вытянулся по стойке «смирно» и замер. Он непонимающе смотрел на Мальку: какой замуж?! Это же Малька! Малька, и всё. Он же знает ее с первого класса, за одной партой сколько просидели, и вдруг – замуж! Ну и что, если она татарка, какая разница? И родители у нее такие же, как у него, и дома все такое же, разве что много ковров и разноцветных подушек. И при чем здесь он сам? Ведь не он лез драться тогда в гостях, а этот дурак. Витик даже ни разу не съездил ему по роже, а следовало бы...

– Замуж-то когда? Сейчас? – выдавил он, потому что молчать дальше было невозможно.

– Дурак! – покраснела Малька и отвернулась.

Витик опять замолк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.